

Не скрылося въ душѣ дѣтей!...

Дѣтей! о да! я былъ ребенокъ!  
Промчался легкой страсти сонъ;  
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ—  
Въ единый мигъ прорвался онъ  
И деревцо съ моей любовью  
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть;  
Я жизнь его купилъ бы кровью,  
Но какъ перемѣнить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье  
Умереть невозвратно съ нимъ?  
Иль шуму свѣтскаго волненія  
Бороться съ сердцемъ молодымъ?  
Нѣтъ, нѣтъ,—мой духъ безсмертенъ силой,  
Мой гений вѣки пролетитъ,  
И эти вѣтви, надъ могилой  
Пѣвца-страдальца, освѣтитъ.

Все тихо—полная луна  
Блеститъ межъ ветель надъ прудомъ,  
И возлѣ берега волна  
Съ холоднымъ рѣзвится лучомъ.

Никто, никто не уладилъ  
Въ изгнаньи семь тоски мятешной!  
Любить?—три раза я любилъ,  
Любилъ три раза безнадежно.

1830 года июля 15-го.

Зачѣмъ семи родной безвѣстный кругъ  
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,  
Все было мнѣ наставникъ или другъ,  
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.  
Какъ ужасы пѣняли юный духъ!  
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!  
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,  
Не посмотрѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя.

Но въ общество иное я вступилъ,  
Узналъ людей и дружескій обманъ,  
Сталъ подозрителенъ и погубилъ  
Безпечности душевной талисманъ,  
Чтобы никто теперь не говорилъ: [ранъ  
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ  
Изъ груди извлечь не рѣчь, но стонъ;  
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,  
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.  
Но, эту грудь страданьемъ напоивъ,  
Скажите мнѣ, возможно ли любить?  
Страшусь, въ объятія дѣву заключивъ,  
Живую душу ядомъ отравить  
И показать, что сердце у меня  
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:  
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;  
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!  
Когда бъ я зналъ, не могъ бы перенести.  
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,  
Не злоба, не презрѣнье, не месть:

Но... для чего старались они  
Такъ отравить ребяческие дни?

Согбенный лукъ, порвавши тетиву,  
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.  
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,  
Послѣднее усиліе свершилъ:

Что жъ? Нынѣ жалкій, грустный я живу  
Безъ дружбы, безъ надежды, безъ думъ, безъ  
силъ,

Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,  
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

## Бульваръ.

ОПЫТОКЪ.

Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ,  
Я взялъ перо—и право очень радъ,  
Что плодъ надъ нимъ моихъ привычныхъ  
Узнаетъ вновь бульварный маскарадъ. [правъ  
Сатировъ я, для помощи призвавъ,  
Подговорю,—и все пойдетъ на ладъ.  
Ругай людей, но лишь ругай остро;  
Не то... Ко всѣмъ чертямъ твое перо!..

Приди же изъ подземнаго огня,  
Чертенокъ мой, взерошенный острякъ,  
И попугаемъ сядь вблизи меня.  
Дуракъ, скажу—и ты кричи: дуракъ  
Не устоитъ бульварная семья—  
Хоть морщи лобъ, хотя сожми кулакъ,  
Невинная красотка въ сорокъ лѣтъ—  
Пятнадцати тебѣ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

И ты, мой старецъ съ рыжимъ парикомъ,  
Ты, депутатъ столѣтій и могилъ,  
Дрожащій весь и схожій съ жеребцомъ,  
Какъ кровь ему изъ всѣхъ пускаютъ жилъ,  
Ты здѣсь бредешь и смотришь сентябремъ,  
Хоть тамъ княжна лепечетъ: «какъ онъ  
А для того и силится хвалить, [милъ»!  
Чтобъ свой порокъ въ Ч... извинить!..

Но далѣе, на креслахъ тамъ другой  
Едва сидитъ согбенный сынъ земли;  
Онъ, какъ знатокъ, глядитъ въ лорнетъ двой  
Власы его въ серебряной пыли. [ной;  
Онъ одаренъ восточною душой,  
Коль душу въ немъ въ сто лѣтъ найти могли.  
Нояклянусь [пусть, кончивъ,—буду прахъ],—  
Она тонка, когда въ его ногахъ.

И чтожъ? Онъ правъ, онъ правъ, друзья  
Глупецъ, кто жилъ, чтобъ на дѣтѣ быть; [мои  
Умень, кто отдалъ дни свои любви.  
И этотъ мужъ копилъ, чтобы любить.  
Замѣнь души онъ находилъ въ крови.  
Но тотъ блаженъ, кто можетъ говорить,  
Что онъ вкушалъ до капли медъ земной,  
Что онъ любилъ и тѣломъ и душой!

И я любилъ! опять къ своимъ страстямъ  
Брось, брось свои безумныя мечты!  
Пора склонить вниманіе на дамъ,  
На этихъ кандидатовъ красоты,  
На ихъ нарядъ—какъ описать все вамъ?  
Въ нарядѣ ихъ нѣтъ милой простоты: